

В.М. Сергеев, А.С. Кузьмин, В.Д. Нечаев, Е.С. Алексеенкова, А.А. Казанцев, А.В. Дождиков, Р.В. Евстифеев, С.М. Усманов, С.В. Чернышов, И.М. Федорова, О.Ю. Хомутова, С.А. Виноградова

“Хора” московских “ворот” и сценарии ее развития

Сергеев Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем МГИМО(У) МИД РФ;

Кузьмин Алексей Сергеевич, профессор Национального института – Высшей школы управления, главный консультант Апекс Консалтинг;

Нечаев Владимир Дмитриевич, кандидат политических наук, ректор Национального института – Высшей школы управления;

Алексеенкова Елена Сергеевна, студентка РГГУ;

Казанцев Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности МГИМО(У) МИД РФ;

Дождиков Антон Валентинович, кандидат политических наук, ассистент ННГУ им. Н.И. Лобачевского;

Евстифеев Роман Владимирович, кандидат политических наук, доцент Владимирского филиала РАГС;

Усманов Сергей Махмудович, доктор исторических наук, профессор Ивановского ГУ;

Чернышов Сергей Валерьевич, кандидат политических наук, доцент Брянского ГУ;

Федорова Ирина Михайловна, кандидат политических наук, доцент Калужского государственного педагогического университета;

Хомутова Ольга Юрьевна, кандидат политических наук, зав. кафедрой Калужского филиала СЗАГС;

Виноградова Светлана Александровна, студентка РГСУ.

Целью настоящей статьи является анализ социально-экономической и политической эволюции территорий, образующих “хору” Москвы как разновидности “ворот в глобальный мир”. В отличие от “ворот”, которым посвящена пусть не исчерпывающая, но достаточно содержательная литература [Wallerstein 1974, 1979, 1980, 1983, 1984, 1989; Валлерстайн 2001; Бродель 1986, 1986/1992, 1994/1997; Андерссон, Андерссон 2001],

проблема взаимодействия “ворот” и “хоры” исследована мало. Даже в работах, где анализируется социальная динамика регионов, непосредственно примыкающих к мегаполисам [Leonardi 1995a, 1995b; Morgan 1997; Cooke, Morgan 1999; Ansell 2000; Trigilia 2001; Keating 2001; Baerenholdt, Aarsaether 2002; Vacci 2002; Bellandi 2002; Casson 2002; Westlund, Bolton 2003; Casey 2004], эта динамика чрезвычайно редко связывается с влиянием мегаполиса. Еще хуже изучены эффекты возникновения “ворот” на национальной территории, в частности сопряженные с ростом пространственной социально-экономической дифференциации и приобретением самостоятельной транснациональной политико-экономической субъектности элитами “ворот”, чьи интересы во многом противоречат интересам населения и элит не только “глубинки”, практически не вовлеченной в глобализационный процесс, но и “хоры”.

Ниже будет представлена простейшая логическая сценарная модель эволюции “хоры” “ворот в глобальный мир” и в ее рамках проанализирована эволюция ряда областей российского Нечерноземья первой и второй степени удаленности от Москвы. В завершение статьи мы рассмотрим потенциальные сценарии политико-экономического развития московских “ворот” и “хоры”.

Модели эволюции непосредственного окружения “ворот в глобальный мир”

Большинство “ворот в глобальный мир” расположены в ядрах старых промышленных регионов и сами некогда представляли собой крупные промышленные центры. Таковы Лондон, Франкфурт, Милан, Нью-Йорк, Бостон, Токио, Шанхай и Гонконг.

Трансакционная экономика [Demsetz 1968; North 1981; Williamson 1981, 1985; Coase 1988; Норт 1997], развитие которой привело к становлению “ворот в глобальный мир”, предъявляет совсем другие требования к качеству рабочей силы, нежели трансформационная. Обслуживая экономику знаний, которая, в отличие от трансформационной экономики, не воспроизводит уже имеющиеся образцы, а создает новые, она нуждается в труде по существу ремесленного характера, во многом уникального и плохо поддающегося регламентации. Такой труд вследствие его уникальности и сверхвысокой квалификации не может не быть высокооплачиваемым, что влечет за собой общее удорожание жизни в окрестности “ворот”, а тем самым – и необходимость повышения оплаты труда более низкой квалификации. Соответственно, правомерно предположить, что в “воротах в глобальный мир” и их непосредственной “хоре” трансформационная экономика должна оказаться неконкурентоспособной.

Посмотрим, что происходит с трансформационной экономикой старых промышленных регионов, окружающих “ворота в глобальный мир”, в действительности.

В окрестностях Лондона как “ворот в глобальный мир” сегодня развивается главным образом производство образцов и несерийное производство ремесленного high-end’a. Сходная ситуация наблюдается в “воротах” Нью-Йорк – Бостон: старая промышленность Пенсильвании и Нью-

Джерси практически умерла [Sassen 1991]. Аномально высокий уровень развития исследований и разработок, образования, high-hume и рекреации при угасании трансформационной экономики (за исключением высокотехнологичного производства в Силиконовой долине) характерен и для широких калифорнийских “ворот” от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса [Gordon et al. 1986; Arreola, Curtis 1993; Dertouzos, Dardia 1993; Gordon, Richardson 1996; Kotkin, Levy 1996; Suarez-Villa, Walrod 1997].

В то же время есть немало “ворот” (коридор Милан – Венеция, Франкфурт, Сиэтл), на периферии которых трансформационная экономика сохранилась [Braczyk et al. 1995; Veneto 1997; Koschatzky 1997; Statistik Trends 1998]. Правда, миланская легкая промышленность теперь производит не столько “обычную”, сколько эксклюзивную одежду и обувь, а также образцы для мировой индустрии моды. Аналогичную эволюцию переживает и итальянская автомобильная промышленность: если массовый “Фиат” испытывает серьезные трудности, то сочетающие в себе high-hume и high-tech “Ламборджини”, “Феррари” и “Мазератти” вполне процветают. Однако в “хоре” Франкфурта производится и вполне массовая – высокотехнологичная – продукция, в т.ч. военного назначения (танки и т.д.) [Braczyk et al. 1995; Koschatzky 1997; Statistik Trends 1998], а Сиэтл с окрестностями остается одним из крупнейших мировых центров авиакосмического производства.

Чем же вызвано такое различие в эволюционных траекториях Сиэтла и Франкфурта, с одной стороны, и Лондона и Нью-Йорка – с другой?

Нам представляется, что сохранение высокотехнологичных массовых производств на территориях, непосредственно примыкающих к “воротам в глобальный мир”, обусловлено преимущественно политическими причинами. С экономической точки зрения было естественно перенести эти производства ближе к источникам дешевой рабочей силы и сырья. Но вывести политически чувствительные производства (в первую очередь – ВПК) за пределы национальной территории не может ни одно государство, претендующее на самостоятельную роль в мировой политике, а различия в стоимости рабочей силы в окрестностях “ворот” и других частях страны, как правило, слишком незначительны, чтобы оправдать неизбежные при таком переносе затраты.

Следует также учитывать, что выведение трансформационной экономики за окрестности “глобальных ворот” сопряжено и с серьезными социальными издержками. Экономика знаний формируется буквально у нас на глазах, и доля рабочей силы, не способной найти себе применение в ее рамках, может оказаться настолько велика, что закрытие традиционных производств поставит под угрозу социальный мир в регионе и стране в целом.

Другими словами, относительно низкие темпы вытеснения трансформационной экономики из “хоры” некоторых “ворот” есть результат целенаправленных политических усилий [\[1\]](#). Это, однако, отнюдь не означает, что в окрестностях “ворот в глобальный мир” трансформационная экономика в принципе обречена. Отрасли, связанные с жизнеобеспечением “глобальных ворот”, – строительная индустрия и производство стройматериалов, ряд отраслей химической промышленности (бытовая химия, парфюмерия, косметика), пищевая промышленность, сельское хозяйство и т.п., – продолжают и будут продолжать развиваться. Резкое повышение

потребности в комфорте, характерное для “ворот в глобальный мир”, способствует бурному росту индустрии гостеприимства и созданию в окрестностях “ворот” обширной рекреационной зоны. Эти трудоемкие виды экономической активности втягивают в “глобальные ворота” и примыкающие к ним регионы огромные потоки среднеквалифицированной рабочей силы из-за пределов не только ближней “хоры”, но и национальной территории.

Таким образом, эволюция непосредственной окрестности “глобальных ворот” может проходить по одному из трех сценариев.

1. Пара близко расположенных “ворот” формирует ось, и большая часть регионов этой оси постепенно инкорпорируется в состав “широких ворот” (как это произошло с Силиконовой долиной и Монтерреем, оказавшимися на оси Сан-Франциско – Лос-Анджелес).

2. Регионы, примыкающие к “воротам”, превращаются в их сервисную “хору”.

3. Частично выполняя функции сервисной “хоры”, примыкающие к “воротам” регионы сохраняют значимую трансформационную экономику, как правило связанную с высокотехнологичным гражданским или военным машино- и приборостроением. Для реализации последнего сценария нужна прежде всего политическая воля к сохранению в окрестностях “ворот” трансформационной экономики путем проведения особой промышленной политики. Успех этой политики зависит не только от вложенных финансовых ресурсов, но и от квалификационного потенциала соответствующих регионов и наличия в них инфраструктуры фундаментальных исследований и high-end образования.

Эволюция “хоры” московских “ворот в глобальный мир”

Исходя из представленной выше сценарной модели эволюции ближней “хоры” “глобальных ворот”, попробуем определить, по какой траектории развиваются регионы, расположенные вдоль наиболее перспективных осей функционирования Москвы в качестве “ворот в глобальный мир”, а именно:

– вдоль оси Москва – Берлин – Париж (Калужская и Брянская области);

– вдоль оси Москва–СПб (Тверская и Новгородская области);

– вдоль оси, ведущей в российскую “глубинку” (Владимирская, Ивановская и Нижегородская области).

При анализе тенденций политического и социально-экономического развития выделенных регионов мы опирались на так наз. “толстые описания” соответствующих областей российского Нечерноземья, уделяя особое внимание таким аспектам региональной ситуации, как:

– общие географические и демографические особенности региона, его транспортная инфраструктура и инфраструктура связи;

– организация политической власти в регионе, а также характер взаимодействия между региональными и федеральными властями;

– основные параметры экономического развития региона, его природные ресурсы и перспективы их освоения, присутствие в регионе крупных российских и транснациональных компаний;

– финансовое положение региона, региональный бюджет и степень его зависимости от федерального бюджета, банковская система;

– инновационная система и развитие человеческого капитала (высшие учебные заведения, академические и отраслевые научные институты и направления их деятельности);

– уровень социального благосостояния населения.

На основе собранного материала воссоздавался целостный портрет региона, позволяющий понять траекторию его постсоветского развития.

Поскольку синергетический эффект от взаимодействия различных сетевых структур – сетей политического влияния, финансовых, научных и образовательных сетей – не только играет решающую роль в формировании “ворот в глобальный мир”, но и влияет на положение “хоры”, мы сочли также необходимым проанализировать взаимодействия между ведущими экономическими акторами и наиболее влиятельными политическими силами в регионе. Весьма важной представлялась нам и оценка перспектив развития в регионе новых секторов экономики, в частности туризма.

Так какие же процессы разворачиваются в регионах, примыкающих к Москве? Сохранились ли там высокотехнологичные производства? Происходит ли вытеснение традиционной экономики? Формируются ли новые сектора экономики, ориентированные на обслуживание Москвы как разновидности “ворот в глобальный мир”? Другими словами, в какой мере траектории развития этих регионов соответствуют описанным выше сценариям эволюции непосредственной “хоры” “глобальных ворот”?

Во всех исследованных нами регионах в позднесоветский период активно развивались высокотехнологичные производства, как правило связанные с потребностями ВПК. Так, в Новгородской области, помимо весьма средних по качеству телевизоров “Садко”, производились автономные радио-буи, позволявшие осуществлять систематическое спутниковое наблюдение за подводной активностью в Мировом океане; в Тверской – программное обеспечение, а также специальные искусственные волокна для космической и оборонной отраслей, превосходившие по своим характеристикам кевлар и его новейшие аналоги. Калужская область занимала одно из ведущих мест в мире по таким направлениям, как атомная и ядерная физика, энергетическое и авиационное турбиностроение и биотехнологии. Брянская область являлась одним из крупнейших центров транспортного машиностроения. Во Владимирской области было сосредоточено производство уникальных стекол и пьезоэлементов, радиоэлектроники, стрелочных переходов и легкого вооружения. Ивановская область была единственным в странах СЭВ производителем роботизированной техники, не уступавшей лучшим мировым

образцам, а Нижегородская позволяла СССР успешно конкурировать с другими мировыми державами в атомной энергетике и производстве ядерного оружия, подводном и надводном судостроении, медицинской технике, радиоэлектронике, специальном автомобилестроении.

Поскольку подобные производства нуждались в высококвалифицированных кадрах, практически во всех перечисленных регионах сложились собственные образовательные и научно-исследовательские центры. Вместе с тем непосредственно примыкавшие к Москве и Ленинграду Калуга, Владимир, Новгород, Тверь, Брянск пополняли свой кадровый потенциал в основном за счет выпускников столичных вузов.

Далеко не всем высокотехнологичным производствам удалось пережить кризис 1990-х годов. Так, в Новгородской области радиоэлектроника практически исчезла, а во Владимирской и Нижегородской областях – утратила свою конкурентоспособность. Едва ли удастся восстановить и производство искусственных волокон в Твери. В то же время научно-техническое и технологическое превосходство Нижегородского региона в производстве экранопланов не утрачено, а производство специальных стекол и пьезоэлементов во Владимирской области даже выросло.

Как бы то ни было, потенциал ВПК в значительной мере сохранен, что позволяет надеяться на восстановление и наращивание его в гражданских отраслях, в т.ч. за счет конверсии. Преодоление характерной для СССР ориентации на чисто инженерное образование открывает возможность ускоренного развития в этих отраслях high-tech, хотя примеров практического использования этой возможности нами не обнаружено. К сожалению, ученый в России продолжает оставаться “ученым”, а не поставщиком рыночных идей. Степень коммерциализации научной инновационной деятельности явно недостаточна. Кроме того, радикальное расширение образовательной инфраструктуры рассматриваемых регионов пока далеко не всегда сопровождается ростом качества предоставляемых образовательных услуг.

Тенденция к вытеснению традиционной экономики отчетливо просматривается лишь в Ивановской и Тверской областях, легкая промышленность которых не выдержала конкуренции с дешевым китайским импортом и разрыва хозяйственных связей советского периода. В Новгородской области речь идет скорее не о вытеснении традиционной экономики, а о смене специализации. Что же касается Брянской, Владимирской, Калужской и Нижегородской областей, то там сохранилось немало эффективно работающих предприятий традиционной экономики, в первую очередь в транспортном и энергетическом машиностроении. Происходит глубинная модернизация производства на Выксунском металлургическом комбинате в Нижегородской области, причем предприятие осваивает производство дефицитных высокотехнологичных сталей и сплавов. Практически восстановлена лесная и целлюлозно-бумажная промышленность и производство стройматериалов, а пищевая и – в значительной мере – химическая промышленность (производство минеральных удобрений, нефтехимия) не просто восстановлены, но и превратились в ряде случаев (в первую очередь в Новгородской области) в доминирующие отрасли производства и наиболее привлекательные объекты для инвестиций.

В регионах, непосредственно примыкающих к столице, формируются новые сектора экономики, ориентированные на обслуживание Москвы как “ворот в глобальный мир”, складывается туристско-рекреационная инфраструктура. Однако развитие этих трудоемких секторов тормозят продолжающаяся депопуляция проанализированных областей [21], а также отсутствие в них системы подготовки соответствующих кадров. Серьезным препятствием на пути реализации рекреационного потенциала ближней “хоры” Москвы является и необычайно низкое качество дорог. Минимальным требованиям, предъявляемым к автомагистралям современного государства, отвечают лишь магистрали Москва – Санкт-Петербург, Москва – Нижний Новгород и Москва – Калуга – Брянск – Киев, в то время как дороги областного и районного значения по-прежнему остаются ниже всякой критики. К одному из потенциально наиболее притягательных рекреационных центров Тверской области – озеру Селигер – ведут дороги, абсолютно непригодные для комфортной перевозки туристов. Еще хуже обстоит дело с дорогами к туристическим достопримечательностям второго плана – многочисленным усадебным комплексам, монастырям и т.д.

С серьезными проблемами сталкивается и другой сектор экономики, ориентированный на обслуживание Москвы, – пищевая промышленность. Глубокий кризис животноводства, для преодоления которого нужны значительные капитальные вложения, не позволяет рассматриваемым регионам удовлетворять растущий спрос москвичей на продукцию этой отрасли, а низкая энергообеспеченность препятствует развитию тепличного и оранжерейного хозяйства.

На темпах роста новых секторов экономики в ближней “хоре” Москвы, как и в других регионах России, негативно сказывается общая “недомонетизированность” российской экономики, особенно остро ощущавшаяся в 1990-е годы, но отчасти сохранившаяся и сегодня, а также высокая доля природной и приватизационной ренты в доходах российских предприятий, что ставит вновь создаваемые предприятия в неравное положение по сравнению с приватизированными, снижая их инвестиционную привлекательность.

Инвестиционный потенциал регионов непосредственной периферии Москвы остается довольно низким. Это связано как с ограниченной пропускной и концентрационной способностью финансовой инфраструктуры самой Москвы, так и с отсутствием содержательной политики регионального развития на протяжении как минимум двух десятилетий. Незнание специфики территорий и нежелание вести инвестиционную деятельность за пределами МКАД подталкивают держателей ресурсов к неэффективному, “престижному” их потреблению.

В 1990-е годы возможности привлечения инвестиций в регион во многом определялись характером интеграции региональных элит. Пакты элит – с доминирующим актором (Новгородская и Владимирская области) или без такового (Брянская или Ивановская области), – подразумевавшие хотя бы минимальную ценностную интеграцию элитных сетей, способствовали ценностной интеграции последних с массовыми сетями, что повышало устойчивость сложившейся конфигурации элит, а тем самым – и предсказуемость экономической политики региона. Естественно, что такие

регионы обладали заметно большей инвестиционной привлекательностью, нежели те, где имел место неустойчивый сговор элит (Нижегородская область) или их перманентный раскол (Калужская и Тверская области).

Другим фактором, влиявшим на объем национальных и зарубежных инвестиций в экономику региона, являлась включенность региональной элиты в федеральные и международные сети, причем от специфики этих сетей зависели и основные направления инвестирования. Так, Новгород, несмотря на значительный приток иностранных инвестиций в пищевую и химическую промышленность, практически полностью утратил свои позиции в сфере высокотехнологического производства, тогда как в Брянске, Владимире, Калуге оно не только сохранилось, но и активно развивается.

Между Москвой и периферией происходит довольно активный обмен человеческим капиталом. “Московские специалисты”, в силу острейшей конкурентной борьбы вынужденные расстаться с занимаемыми ранее должностями, но сохранившие свои связи в столице, востребованы в регионах. К сожалению, помимо опыта и связей, они несут с собой и завышенные запросы и, в отличие от региональной элиты, не склонны даже делать вид, что учитывают интересы местных жителей.

Гораздо большие масштабы имеет, однако, обратный процесс: искусственное сужение свободных рыночных ниш, монополизация, “патронатный” принцип комплектации органов государственной и муниципальной власти, обусловленные стремлением “старой” элиты сохранить свой контроль над территорией, “выталкивают” молодых и инициативных, но не имеющих наработанных связей людей в Москву, где возможности для открытия бизнеса и карьерного роста существенно выше. Внутренняя “утечка мозгов”, увеличивающая неравенство между центром и периферией, является серьезным препятствием для их эффективного взаимодействия. Качество человеческого “ресурса” в “хоре” Москвы медленно, но неуклонно падает, и со временем этот процесс может приобрести необратимый характер. Уже сегодня во всех рассмотренных нами регионах индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) ниже среднероссийского, а по показателю инновативности средний по России уровень превышен только в Нижегородской области (см. табл. 1-2 Приложения).

“Невнятность” поведения Москвы по отношению к “хоре” не мешает ее экономической и политической экспансии в регионы. Одним из механизмов такой экспансии является назначение на пост губернатора представителя московской административно-политической или финансово-экономической элиты. В регионах с промосковски настроенным главой исполнительной власти (Нижний Новгород, Тверь, Иваново) характер и направленность инвестирования определяются не потребностями регионального развития и не федеральной политикой (ввиду отсутствия таковой), но интересами политических и деловых кругов Москвы.

Сетевая динамика московской “хоры”

Образование “ворот (и квазиворот) в глобальный мир” обусловлено действием центробежных сил, стягивающих в единую точку различные

социальные сети. Попробуем проследить, каково соотношение центробежных и центростремительных тенденций в московской “хоре”, проанализировав совокупность сетевых взаимодействий между Москвой и ее “провинциальным” окружением.

Сети власти и влияния. Одной из отличительных особенностей советского общества являлась чрезвычайно высокая степень централизации и однородности сетей власти, оформленных в виде “номенклатуры” [Восленский 1991; Джилас 1992; Афанасьев 2000]. Тем не менее конфигурации политических сетей в различных регионах РСФСР были далеко не идентичными, и сформировавшиеся там после распада СССР политические режимы обладали выраженным своеобразием [Гельман и др. 2000; Hadenius et al. 2001; Кузьмин и др. 2002]. В 1990-х годах в условиях общего кризиса центрального управления и ослабления федерального правительства автономия регионов заметно возросла, что привело к расширению полномочий региональных элит, в т.ч. и в экономической сфере.

Вместе с тем в последнее десятилетие XX в. в российских регионах появляется принципиально новый тип политико-экономических акторов – олигархический капитал, практически полностью базирующийся в Москве. Московский капитал сыграл громадную роль и в первичной приватизации крупнейших предприятий регионов, и в дальнейшем перераспределении собственности. Укреплению позиций столичного капитала, как частного, так и полугосударственного (или даже полностью государственного, но тесно связанного с частным), способствовал его контроль над “естественными монополиями” и ключевыми энергетическими ресурсами (Газпром, РАО ЕЭС, вертикально интегрированные нефтяные компании, Российские железные дороги и т.д.). Не меньшее значение имела и концентрация в Москве банковского капитала, по сути дела предопределившая проникновение филиальных сетей московских банков в регионы. Наконец, в распоряжении московских олигархических структур находились ведущие общероссийские электронные СМИ (в частности, НТВ и ОРТ), что позволяло им вести “информационные войны” против любых региональных элит.

И все же наиболее существенной с точки зрения усиления влияния московского олигархического капитала в регионах была его тесная связь с федеральными органами и сетями власти (правительством, администрацией и личным окружением президента, законодательными и судебными органами) и, соответственно, возможность лоббировать отвечающие своим интересам решения. Последнее было особенно важно в ситуации, когда подавляющее большинство регионов дотировалось из центра.

Мощь московских олигархических структур была настолько велика, что в 1990-е годы они, по сути, начали формировать состав политических элит многих регионов, поддерживая желательных для себя кандидатов на выборах и лоббируя назначение нужных чиновников. Широко использовался и метод “вербовки” региональных элит путем установления с ними “неформальных контактов”, т.е. прямого и косвенного подкупа.

Именно соотношение силы региональных политических и экономических элит, с одной стороны, и крупного московского капитала – с другой, в значительной мере и определяло политико-экономическое своеобразие

региона. Уже в середине 1990-х годов регионы четко разделились на три группы, и различия между этими группами сохраняются до сих пор.

I. Полная сдача региональных сетей власти на милость крупного олигархического капитала. Эта судьба постигла прежде всего относительно бедные природными ресурсами регионы, не сумевшие быстро приспособиться к условиям рынка. Среди исследованных нами регионов наиболее типична в этом плане Ивановская область, экономика которой оказалась в глубоком кризисе в связи с упадком преобладающей отрасли (текстильной промышленности). Этот кризис резко ослабил местные сети власти, которые утратили возможность эффективно контролировать регион [3].

Легкой добычей олигархического капитала становились также регионы, характеризовавшиеся высокой степенью раздробленности сетей власти. Так, Тверскую и Калужскую области к фактической “сдаче” Москве привел не столько экономический кризис, сколько перманентный раскол элит.

Не смогли противостоять натиску московского капитала и некоторые богатые природными ресурсами (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Тюменская область) и хорошо адаптировавшиеся к рынку (Липецкая область) регионы, где в руках столичных групп оказалась сконцентрирована подавляющая часть собственности. В ситуации, когда основными налогоплательщиками выступают предприятия, принадлежащие одной или двум-трем олигархическим структурам, под контроль последних подпадает и административная власть.

Наконец, важным фактором, способным принудить к “сдаче” Москве даже достаточно богатый и имеющий свой крупный бизнес регион, является назначение на пост губернатора выходца из Москвы. Весьма показательна в этом отношении эволюция Нижегородской области после прихода В.Шанцева. Однако федеральный центр назначает “варягов” только в те регионы, где местные сети власти и влияния раздроблены и не в состоянии консолидированно выдвинуть собственного кандидата.

Таким образом, к “сдаче” региона может привести как его бедность, так и богатство, как полная дезинтеграция местных сетей власти, так и их концентрация вокруг крупных предприятий, контролируемых олигархическим капиталом.

II. Более или менее успешное сопротивление региональных элит вторжению крупного капитала извне. Очевидно, что для такого сопротивления необходимы хотя бы минимальные финансово-экономические ресурсы, поэтому в регионах, чьи элиты так или иначе отражали натиск московского капитала, экономический кризис был не настолько глубоким, чтобы угрожать экономике полным крахом. Отличительной чертой данных регионов (и этот фактор особенно важен) была также эффективная консолидация сетей власти и влияния.

Основой подобной консолидации нередко служило идеологическое противостояние федеральному центру. Обычно такая ситуация складывалась в регионах “красного пояса” России, где ведущую роль в сетях власти играли представители КПРФ (Владимирская область).

Консолидировать местные сети власти мог также “сильный” региональный лидер, особенно если он обладал влиянием в федеральном центре [4]. К числу губернаторов – харизматических лидеров, либо вовсе не связанных с КПРФ, либо придерживавшихся по ряду вопросов независимой позиции, относятся, в частности, Д.Аяцков, К.Титов, Н.Кондратенко, Е.Наздратенко и М.Прусак.

Поскольку регионы описанной группы занимают промежуточное место между регионами, “полностью сдавшимися на милость олигархического капитала”, и регионами – “неприступными крепостями” (которые будут рассмотрены ниже), степень эффективности их противодействия вторжению московского капитала существенно варьирует. Одни регионы успешно противостояли натиску столичных олигархических групп на протяжении длительного времени (Владимирская область), другие оказывали им лишь эпизодическое сопротивление (Нижегородская и Брянская области).

III. неприступная крепость. К данной группе относятся не только экономически развитые и/или богатые природными ресурсами регионы, но и территории, не представляющие никакого интереса с экономической точки зрения. Как правило, речь идет о национальных республиках, сети власти и влияния которых интегрированы на основе этнических символов общности, противопоставляющих их остальной России. Классическими примерами “неприступных крепостей” являются Татарстан, Башкортостан и Калмыкия. Все эти регионы имеют харизматических лидеров, эффективно контролирующих местные сети власти и влияния (М.Шаймиев, М.Рахимов, К.Илюмжинов), во всех экономической жизни определяют местные политико-административные элиты, практически на равных ведущие переговоры с крупным московским бизнесом.

Как уже говорилось, различия между тремя рассмотренными группами регионов прослеживаются по сей день. Вместе с тем по мере углубления наметившейся на рубеже веков тенденции к усилению федерального центра позиции регионов постепенно ослабевают. Введение института полномочных представителей президента РФ в федеральных округах и отказ от выборного принципа комплектования губернаторского корпуса негативно сказались на способности региональных сетей противостоять московскому олигархическому бизнесу, тем более что последний сегодня во многом контролируется федеральной политико-административной элитой.

В результате регионы второй группы, которые в 1990-х годах более или менее успешно сопротивлялись наступлению московского олигархического бизнеса, все больше сливаются с регионами первой группы. Подпадая под контроль сетей власти федерального центра, их элиты утрачивают значительную часть своей независимости. Ослабевает сопротивление центростремительным тенденциям и в “неприступных крепостях” (хотя вероятность их “полной капитуляции” очень мала). Все вышесказанное свидетельствует об усилении “квазиворотности” Москвы как центра концентрации сетей власти и влияния, притягивающих к себе экономические сети.

Нарастанию центростремительных тенденций, направленных на Москву, способствуют и филиалы крупных зарубежных компаний, подавляющее

большинство которых базируется именно в столице. Возникающие благодаря деятельности этих филиалов сетевые экономические структуры устремлены к Москве. Очевидно, что с повышением степени “глобализованности” российской экономики влияние подобных сетей будет усиливаться.

Экономические сети доверия. Ключевую роль в образовании “глобальных ворот” и “квазиворот” играют экономические сети доверия, концентрирующиеся в одной точке. Анализируя ситуацию в современной России, можно выделить два типа экономических сетей доверия, центростремительно направленных на Москву.

Первый тип сетей связан с описанной выше экспансией московского капитала. Крупнейшие “естественные монополии”, вертикально интегрированные нефтяные компании и промышленные холдинги, штаб-квартиры которых обычно расположены в Москве, как правило, имеют региональные подразделения, чьи штаты могут насчитывать несколько десятков тысяч человек. Деятельность таких подразделений создает гигантские сети доверия (кредитные, торговые и др.), тянущиеся к Москве. В данном случае центростремительные тенденции связаны прежде всего с “квазиворотной” функцией Москвы как центра власти и влияния, где экономические сети тесно переплетены с сетями власти.

Вторая разновидность сетей доверия, притягивающихся к Москве, формируется в результате активности мелкого и среднего регионального бизнеса. К появлению подобных сетей ведут уже такие простейшие формы экономической деятельности, как сбор местных ресурсов и товаров для отправки в Москву (сети скупщиков сельскохозяйственной продукции, сети рекрутинговых агентств и других посредников в найме рабочей силы и т.д.).

Москва как складывающийся центр транзакционной экономики и экономики знаний выталкивает из себя в регионы многие функции. Их выполнение начинает обеспечивать мелкий и средний региональный бизнес. В Москве остается все меньше промышленных предприятий, особенно экологически “грязных” или требующих большого количества неквалифицированного труда. Быстрому вытеснению в “хору” промышленных производств и даже складов способствует, в частности, очень высокая стоимость “столичной” земли.

Вокруг Москвы возникает рекреационная экономика: дачи, туристические маршруты, дома отдыха и т.д. Этот вид деятельности “размазан” по всему Центральному Нечерноземью, точно проявляясь и в других регионах Европейской России, обладающих значимыми рекреационными ресурсами (красивыми ландшафтами, естественными водоемами, целебными источниками, туристическими достопримечательностями и т.д.). Решением федеральных властей из Москвы начинают выноситься те виды рекреационной деятельности, которые вызывают большие социальные издержки (казино и игорные дома).

Потребность Москвы в рабочей силе привела к появлению в Московской области и поясе областей вокруг нее специфической (и по сути дела не имеющей аналогов в мире) экономики “спальных регионов”, ежедневно или периодически (2-3 раза в неделю) поставляющих в Москву рабочую силу. Из

других, более отдаленных частей России на работу в Москву едут на определенный срок, “вахтовым” методом. Подобная практика – в форме “отходничества” – зародилась еще в XVIII – XIX вв. “Лимитчики” советского времени закрепили эту традицию, а постсоветская эпоха вывела ее на принципиально новый уровень.

Эти и многие другие примеры тяготения экономик соседних регионов к Москве объясняются прежде всего емкостью ее рынков (товаров, услуг, труда и т.д.) и огромными финансовыми ресурсами. В данной своей ипостаси Москва выступает в качестве классических “ворот”, чисто экономического центра притяжения экономических сетей. Описанные выше формы сетевой активности в конечном счете выгодны московской экономике, а следовательно – контролирующему ее крупному капиталу, переплетенному с сетями власти, так как они увеличивают конкуренцию на низовом уровне, тем самым способствуя снижению цен на различные виды ресурсов, и во все большей степени обеспечивают мегаполис этими ресурсами.

Информационные сети и сети знаний. Базирующиеся в Москве централизованные информационные сети (телевидение, радио, различные периодические и непериодические издания) играли в России чрезвычайно большую роль еще в советские времена. В период перестройки их влияние еще больше усилилось в связи с резким ростом интереса населения к положению дел в стране. И хотя в 1990-е годы, в условиях отчетливо выраженной тенденции к регионализации, обусловленной стремлением защититься от кризиса на уровне области, края или республики, это влияние заметно ослабло [Нечаев 1999], с приходом к власти В.В.Путина московские информационные сети во многом восстановили свои позиции. Доминирующее положение Москвы в информационной сфере пока не смогло поколебать и развитие Интернета: “погоду” в Рунете сегодня определяют имеющие отношение к Москве сайты и авторы.

В соответствии со сложившейся в советское время традицией Москва продолжает притягивать к себе научные и образовательные сети знания со всей России. В известной степени такая ситуация обусловлена “квазиворотными” характеристиками Москвы как административного центра, распределяющего ресурсы на развитие науки. Однако дело заключается не только в этом.

Огромную роль в науке играет личностный фактор. Учебник, написанный человеком, лично известным московским экспертам как крупный ученый, имеет больше шансов получить гриф министерства образования, нежели учебное пособие, автор которого им не знаком. То же самое относится и к перспективе получения гранта в научном фонде или публикации в наиболее престижных “центральных” научных журналах.

Данная закономерность определяется не столько спецификой Москвы как “глобальных квазиворот”, сколько глубинными характеристиками функционирования сетей знаний. Как показал в свое время М.Полани [Полани 1985], важнейшей составляющей “багажа” ученого является так наз. “личностное” или “скрытое” знание, которое образуется лишь в ходе личных сетевых контактов. Это знание нельзя выразить в виде текстов статей или книг, однако от него во многом зависят теоретические и практические навыки

ученых. Соотношения, задаваемые “неявным” знанием и деятельностью основанных на нем сетей, формируют эпистемические структуры науки [Кун 1975], непосредственно сказываясь и на научном престиже (т.е. позиции в сетях влияния) тех или иных ученых или экспертов.

Возникновение феномена “исследовательских ворот в глобальный мир” прямо связано с потребностью в обмене идеями и личных контактах между учеными. В современной России функции площадки для обмена идеями – причем не только внутри самой страны, но и между ней и миром – выполняет именно Москва. В связи с этим можно прогнозировать, что роль Москвы как российского и глобального центра концентрации сетей знаний будет все больше возрастать.

В целом, проведенный нами анализ свидетельствует о радикальном преобладании в “хоре” Москвы центростремительных тенденций (как “воротного”, так и “квизиворотного” характера). Это дает основания для вывода о высокой вероятности дальнейшего роста Москвы как разновидности “глобальных ворот”.

Среднесрочные сценарии эволюции российских “ворот в глобальный мир” и их “хоры”

Прогнозируя дальнейший рост Москвы как разновидности “глобальных ворот”, мы исходили исключительно из существующих ныне тенденций. Очевидно, однако, что реальная эволюция московских “ворот” и их “хоры” будет во многом зависеть от политического курса внутри страны, а также от ситуации в мире. Проанализируем просматривающиеся на сегодняшний день сценарии такой эволюции и попробуем оценить вероятность их реализации.

Консервативный сценарий. Допустим, что нынешние тенденции экономического развития России сохранятся, а политические воздействия будут минимальными. В этом случае Санкт-Петербургу в обозримой перспективе не удастся превратиться во вторую “створку” широких российских “ворот”. Его подчиненное по отношению к Москве положение (обусловленное в первую очередь слабостью финансовой системы) только усилится. Отсутствие агрессивной промышленной и научно-образовательной политики со стороны федерального центра приведет к дальнейшему упадку отраслей high-tech и научно-образовательного комплекса московских “ворот” и их “хоры”. Вследствие относительной ограниченности сконцентрированных в Москве финансовых ресурсов ее отставание от Лондона, Нью-Йорка и Франкфурта по рыночной силе и финансовой мощи станет возрастать. В результате в течение ближайших 15-20 лет под угрозой может оказаться сам статус Москвы как “ворот” первого уровня.

Недостаточность финансового ресурса повлечет за собой замедление развития инфраструктуры и новых отраслей экономики во всех регионах “хоры”, и наблюдаемая сегодня позитивная динамика сменится умеренной стагнацией.

Негативный сценарий. Предположим, что федеральный центр взял курс на проведение агрессивной промышленной политики, нацеленной на межрегиональное выравнивание в масштабах страны. В случае если такое

выравнивание будет осуществляться за счет изъятия лишь энергетической ренты (в т.ч. и той ее части, которая сегодня обеспечивает ускоренный рост столичной транзакционной экономики), Москва и ее “хора” будут эволюционировать в том же направлении, что и при реализации консервативного сценария, только темпы относительного отставания Москвы как “ворот” окажутся выше, а пребывающие в самом конце списка российских регионов по ИРЧП Ивановская и Тверская области получают существенный стимул для ускоренного развития. Представляется, однако, что в среднесрочной перспективе (15-20 лет) этот “гандикап” развития будет ими утрачен вследствие общей деградации московского региона как “ворот в глобальный мир”.

Если же в пользу трансформационной экономики наиболее отсталых регионов РФ будет изыматься не только энергетическая рента, но и излишки, генерируемые транзакционной экономикой, Москва в обозримые сроки (до 10 лет) утратит статус разновидности “ворот в глобальный мир”, что, в свою очередь, приведет к исключению России из клуба стран, определяющих мировую финансовую и экономическую политику [5].

Умеренно позитивный сценарий. Данный сценарий, как и предыдущий, связан с осуществлением агрессивной научно-образовательной и промышленной политики, однако изымаемая энергетическая рента здесь направляется – через финансовые институты типа Банка развития или Экспортно-импортного банка – на поощрение экспорта продукции высокотехнологичной трансформационной экономики. На прямые государственные вложения в этом случае смогут претендовать только инфраструктурные проекты, сосредоточенные по преимуществу в “воротах” и их окрестностях. Подобный сценарий, способствуя упрочению позиций Москвы как “ворот в глобальный мир” и восстановлению статуса России как передовой индустриальной державы, в краткосрочной перспективе (5-7 лет) обернется ростом территориального неравенства в РФ. Последнее не затронет ни один из исследованных нами регионов, поскольку все они принадлежат к ближней периферии “ворот”, в которой начнут быстро развиваться новые отрасли экономики и которая немало приобретет за счет реализации инфраструктурных проектов. В то же время этот сценарий может негативно сказаться на социальной стабильности в регионах Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, что поставит под угрозу само существование “ворот”: высокую политическую нестабильность на национальной территории “ворота”, как правило, не переживают.

В связи с этим наиболее вероятным (и плодотворным) представляется некий промежуточный сценарий, в рамках которого поддержка наиболее социально проблемных регионов сочетается с ускоренным развитием “ворот”.

Сценарий европейского доминирования России. При построении рассмотренных выше сценариев мы исходили из презумпции неизменности современного миропорядка, в т.ч. и положения Евросоюза. Однако такая ситуация отнюдь не предопределена.

В результате последних расширений Европейского Союза новые его члены практически сравнялись со старыми по населению, а тем самым – и по представленности в руководящих органах ЕС. Учитывая громадный разрыв в

уровне экономической эффективности и качестве жизни между старыми и новыми членами ЕС, последние будут добиваться радикального расширения политики, направленной на выравнивание регионов. Очевидно, что осуществление подобной политики отразится на развитии Рамштадта и Франкфурта примерно так же, как осуществление политики, описанной во втором сценарии, на развитии Москвы. В этой ситуации реализация в РФ какого-то из вариантов умеренно позитивного сценария может привести к частичной переориентации основных транзакционных потоков из Франкфурта и Рамштадта в Москву, что превратит Россию чуть ли не в доминирующего игрока Европы. Разумеется, это станет возможным лишь при условии интенсивного наращивания мощи российской финансовой и биржевой системы, противодействия выдавливанию из “ворот” high-end образования и фундаментальной науки и, наконец, глубоких институциональных преобразований, способных обеспечить резкое усиление судебной системы, особенно в области хозяйственного и финансового права, обретение арбитражным комитетом ТПП международного статуса, сопоставимого со статусом лондонского, парижского и стокгольмского арбитражных советов, серьезное изменение кодекса корпоративного поведения и т.д. Необходимы также меры по снижению прямого государственного вмешательства в экономику и повышению общественного доверия.

В заключение уместно сделать одно замечание. На протяжении последних 15 лет в российских политических и экспертных кругах широко дебатировался вопрос о характере будущих отношений России с ЕС. Самый факт наличия в РФ разновидности “ворот в глобальный мир” заставляет взглянуть на эту проблему совершенно по-иному. Россия не может присоединиться к ЕС на условиях, на которых вошли в него новые члены и стремятся войти Украина, Молдавия или Турция. Между Россией и Европейским Союзом возможно (по крайней мере, пока существуют российские “ворота в глобальный мир”) только равноправное партнерство, вопрос о юридическом оформлении которого должен быть предметом переговоров, а не безоговорочного принятия российской стороной всех условий ЕС.

Андерссон О., Андерссон Д. (ред.) 2001. Ворота в глобальную экономику. М.

Афанасьев М.Н. 2000. Клиентелизм и российская государственность. М.

Бродель Ф. 1986. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.

Бродель Ф. 1986/1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм,

XV – XVIII вв. М.

Бродель Ф. 1994/1997. Что такое Франция? Кн. 1-3. М.

Валлерстайн И. 2001. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Спб.

Восленский М.С. 1991. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.

Гельман В., Рыженков С., Бри М. (ред.) 2000. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.

Джилас М. 1992. Лицо тоталитаризма. М.

Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. 2002. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации. – Полис, № 3.

Кун Т. 1975. Структура научных революций. М.

Нечаев В.Д. 1999. Региональный миф в политической культуре современной России. М.

Норт Д.С. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.

Полани М. 1985. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.

Ansell C. 2000. The Networked Polity: Regional Development in Western Europe. – Governance, vol. 13, № 2.

Arreola D.D., Curtis J.S. 1993. The Mexican Border Cities. Tucson.

Bacci L. 2002. The intangible determinants of competitiveness and their measurement: the case of regional analysis. – PRISM Policy Implications Research Papers,

№ WP03.

Baerenholdt J.O., Aarsaether N. 2002. Coping Strategies, Social Capital and Space. – European Urban and Regional Studies, vol. 9, № 2.

Bellandi M. 2002. Italian Industrial Districts: An Industrial Economics Interpretation. – European Planning Studies, vol. 10, № 4.

Braczyk H.-J., Schienstock G., Steffensen B. 1995. The Region of Baden-Wuerttemberg: a Post-Fordist Success Story? –Dittrich E.J., Schmidt G., Whitley R. (eds.) Industrial Transformation in Europe – Process and Contexts. L.

Casey T. 2004. Social Capital and Regional Economies in Britain. – Political Studies, vol. 52, № 1.

Casson M. 2002. Analyzing Regional Business Networks: An Economic Perspective. University of Reading, Department of Economics Working Paper.

Coase R.H. 1988. The Firm, the Market, and the Law. Chicago.

Cooke P., Morgan K. 1999. *The Associational Economy: Firms, Regions and Innovation*. Oxford.

Demsetz H. 1968. The Cost of Transacting. – *Quarterly Journal of Economics*, vol. 82.

Dertouzos J., Dardia M. 1993. *Defense Spending, Aerospace and the California Economy*. Santa Monica.

Gordon P., Richardson H.W. 1996. Beyond polycentricity: the dispersed metropolis, Los Angeles, 1970 – 1990. – *Journal of the American Planning Association*, vol. 62.

Gordon P., Richardson H.W., Wong H.L. 1986. The distribution of population and employment in a polycentric city: the case of Los Angeles. – *Environment and Planning*, vol. 18.

Hadenius A., Sergeyev V., Kuzmin A. (eds.) 2001. *Political Parties in the Regions of Russia*. Uppsala.

Keating M. 2001. Rethinking the Region. Culture, Institutions and Economic Development in Catalonia and Galicia. – *European Urban and Regional Studies*, vol. 8, № 3.

Koschatzky K. 1997. Regional high-tech potentials in Germany. The Rhine-Main agglomeration. – *Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie*, № 1.

Kotkin J., Levy S. 1996. *California: A Twenty-first Century Prospectus*. Ontario.

Leonardi R. 1995a. *Convergence, Cohesion and Integration in the European Union*. L.

Leonardi R. 1995b. Regional Development in Italy: Social Capital and the Mezzogiorno. – *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 11, № 2.

Morgan K. 1997. The Learning Region: Institutions, Innovation and Regional Renewal. – *Regional Studies*, vol. 31, № 5.

North D.C. 1981. *Structure and Change in Economic History*. N.Y.

Sassen S. 1991. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton.

Statistik Trends. *Region Frankfurt RheinMain*. 1998. Frankfurt.

Suarez-Villa L., Walrod W. 1997. Operational strategy, R&D and intra-metropolitan clustering in a polycentric structure: the advanced electronics industries of the Los Angeles basin. – *Urban Studies*, vol. 34.

Trigilia C. 2001. Social Capital and Local Development. – *European Journal of Social Theory*, № 4.

Veneto R. 1997. Studio per l'individuazione di distretti industriali nel Veneto. Venezia.

Wallerstein I. 1974. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y., L.

Wallerstein I. 1979. The Capitalist World-Economy. Cambridge.

Wallerstein I. 1980. The Modern World-System, II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600 – 1750. N.Y.

Wallerstein I. 1983. Historical Capitalism. L.

Wallerstein I. 1984. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge.

Wallerstein I. 1989. The Modern World-System III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730 – 1840's. San Diego.

Westlund H., Bolton R. 2003. Local Social Capital and Entrepreneurship. – Small Business Economics, vol. 21, № 2.

Williamson O.E. 1981. The Economics of Organization: The Transaction Cost Approach. – American Journal of Sociology, vol. 87, № 3.

Williamson O.E. 1985. The Economic Institutions of Capitalism. N.Y.

Приложение

Таблица 1

Рейтинг регионов по индексу инновативности

	Индекс доли крупногородского населения (> 250 тыс.)	Индекс числа государственных вузов на 10 тыс.	Индекс доли занятых в науке от занятых в секторе услуг	Индекс душевого ВВП в секторе услуг и в науке	Индекс уровня проникновения сотовой связи	Индекс интернетизации	Индекс
Российская Федерация	0,375	0,332	0,125	0,277	0,123	0,077	0,218
Нижегородская область	0,446	0,315	0,222	0,444	0,065	0,045	0,256
Калужская область	0,322	0,204	0,251	0,267	0,096	0,073	0,202
Ивановская	0,376	0,391	0,032	0,089	0,061	0,027	0,163

область							
Тверская область	0,278	0,191	0,076	0,173	0,082	0,037	0,139
Владимирская область	0,207	0,218	0,111	0,145	0,063	0,017	0,127
Брянская область	0,313	0,241	0,019	0,090	0,020	0,017	0,117
Новгородская область	0,000	0,301	0,043	0,101	0,037	0,063	0,091

Таблица 2

Рейтинг регионов по индексу развития человеческого потенциала

	ВРП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность	Доля учащихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования
Российская Федерация	7926	0,730	64,82	0,664	99,0	0,735	0,905
Нижегородская область	7179	0,713	64,45	0,658	98,9	0,732	0,903
Новгородская область	5798	0,678	61,86	0,614	98,9	0,753	0,910
Калужская область	4961	0,652	64,26	0,654	99,2	0,702	0,895
Владимирская область	5084	0,656	62,79	0,630	99,4	0,718	0,902
Брянская область	4093	0,620	64,07	0,651	98,6	0,749	0,907
Тверская область	5056	0,655	61,52	0,609	99,1	0,735	0,906
Ивановская область	3306	0,584	62,12	0,619	99,3	0,773	0,920

Таблица 3

Рейтинг регионов по качеству жизни

Субъекты	Индекс качества жизни	Место
Российская Федерация	0,70	

Нижегородская область	0,68	26
Брянская область	0,66	40
Новгородская область	0,66	41
Калужская область	0,64	49
Владимирская область	0,64	51
Тверская область	0,61	68
Ивановская область	0,56	82

Таблица 4

Валовой региональный продукт на душу населения

	Валовой региональный продукт (рублей)						
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Брянская область	8 206,3	12 614,2	18 648,3	22 938,0	28 880,2	34 540,9	40 705,5
Владимирская область	9 883,0	16 550,7	22 493,1	29 003,9	35 292,4	44 104,4	49 984,3
Ивановская область	7 325,2	10 426,6	15 225,0	19 901,4	24 863,3	30 936,2	38 581,6
Калужская область	9 946,3	16 023,1	24 082,4	32 410,9	38 695,4	51 562,8	63 197,5
Тверская область	11 439,2	18 176,8	24 908,4	33 801,3	40 169,4	50 535,1	61 230,9
Новгородская область	12 944,5	22 572,7	30 061,6	39 989,9	46 718,0	57 173,5	69 391,0
Нижегородская область	14 104,1	21 546,4	31 041,4	44 956,5	52 044,7	64 185,5	76 430,2
	Место, занимаемое в Российской Федерации						
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Брянская область	66	70	66	71	68	69	70
Владимирская область	56	55	57	56	56	55	60
Ивановская область	72	74	73	74	74	72	72
Калужская область	55	56	53	49	51	45	43
Тверская область	42	43	51	45	47	47	46
Новгородская область	35	33	34	31	36	36	36
Нижегородская область	29	36	32	25	27	27	31

[1] Заметим, что аналогичные усилия необходимы и для поддержания в “воротах” таких ключевых секторов экономики знаний, как образование и фундаментальная наука. При финансировании этих, как правило, бюджетных секторов на общенациональном уровне оплата труда в них начинает заметно отставать от оплаты “нового ремесленного труда”, что влечет за собой перемещение соответствующих кадров (причем не отдельных лиц, а целых сетей) в иные “ворота”, где проблема диспаритета в оплате в основном

решена. Именно это, на наш взгляд, поставило под вопрос статус Парижа как “ворот в глобальный мир”, препятствует приобретению данного статуса Берлином и подрывает устойчивость Москвы как потенциальных “ворот”.

[2] Согласно статистическим данным, население ближней “хоры” Москвы ежегодно сокращается на 0,5-1%.

[3] Аналогичная ситуация сложилась в беднейших окраинных регионах России, вынужденных искать олигархических покровителей в центре (Чукотка).

[4] Заметим, что в 1990-е годы влияние губернатора в Москве часто зависело как раз от его способности контролировать ситуацию в своем регионе.

[5] Следует отметить, что тенденция к экономическому выдавливанию из “ворот” финансирующихся из бюджета сфер образования и фундаментальной науки, не будучи скомпенсирована политической волей, влечет за собой те же самые последствия.